

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ АНТРОПОНИМ: МИФОПОЭТИКА И ТРАДИЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

© Ван Сяоли¹, Г.М. Крюкова²

Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Представлены базовые семантические модели, лежащие в основе современного восточноазиатского антропонима, который включается в структуру традиционной устной и письменной русскоязычной коммуникации в сферах межкультурного взаимодействия со студентами из Китая, Японии, Кореи и Вьетнама.

Ключевые слова: антропоним, модель, мифопоэтика, коммуникация, речевой этикет.

EAST ASIAN ANTHROPONYM: POETICS AND TRADITIONS OF INTERCULTURAL DIALOGUE

© Wang Xiaoli, G. M. Kryukova

National Research Irkutsk State Technical University, 83 Lermontov str., Irkutsk 664074, Russian Federation

The basic semantic models underlying the modern East Asian anthroponym, which is included in the structure of traditional oral and written Russian-language communication in the spheres of intercultural interaction with students from China, Japan, Korea and Vietnam, are presented.

Key words: anthroponym, model, mythopoetics, communication, speech etiquette

Цель статьи – выявление базовых семантических моделей, лежащих в основе современного восточноазиатского антропонима (далее – АМ), который связан с понятием «выбор структуры обращения» в межкультурной сфере коммуникации. Определенные трудности в адресации речи, включающей обращения-антропонимы, отмечаются исследователями межъязыковой коммуникации, представителями монгольской, корейской, вьетнамской, китайской и других восточноазиатских лингвокультур [Зэгийма Чойдон, 1998; Квон, 2008, Ле Ван Нян, 1989; Ли Сичан, 2001; Тхай Ба Тан, 1974; Чжан Минь, 2004].

В числе основных источников информации, результаты анализа которой позволяют составить определенное представление о структуре восточноазиатского АМ, истории его формирования и специфике включения в традиционные схемы современной коммуникации – произведения китайских, японских, корейских и вьетнамских мастеров слова, кроме того исследования лингвистов, профессионально занимающихся историей формирования и функционирования современной модели АМ во Вьетнаме, в Китае, Корее, Монголии, Японии.

С традициями формирования и использования китайского АМ в устной и письменной речи в недалеком прошлом на территории Поднебесной поколения начинающих российских исследователей знакомилась и знакомятся, обращаясь к трудам представителей разных эпох российской синологии. Ее теоретические основы и аспекты изучения китайской лингвокультуры формировались В.П. Васильевым (1818–1900), одним из создателей на восточном факультете Санкт-Петербургского императорского университета кафедры китайского языка и центра китаеведения, В.М. Алексеевым (1881–1951), китаистами-переводчиками и учеными XX–XXI вв. Н.А. Спешневым, Е.А. Торчиновым, КИ. Голыгиной, М.В. Крюковым, А.М. Решетовым и др. [Алексеев, 1982; Голыгина, 2005; Крюков, 1972].

Уточняя прагматический аспект включения современного китайского АМ в российские документы, оформляемые в традициях современной кириллицы, следует отметить, что АМ представляется с учетом количества в его структуре смыслообразующих элементов. Современная модель официального китайского АМ включает два элемента: стоящую на первом месте фамилию (или наследственное имя – НИ), и индивидуальное имя (ИИ). НИ, как правило, односложно, например, *Ван, Чжоу, Ма* и др., редко двусложно, например, *Сыма, Оуян*. ИИ чаще двусложно, реже односложно [Крюков, Решетов, 1985, С. 166]. Носители русского языка, не владеющие основами китайского иероглифического письма, могут возразить, что в НИ «Чжоу» два слога, а в «Оуян» их 3. Именно эта межъязыковая проблема представляет собой препятствие для китайских студентов, пытающихся правильно делить устное русское слово на слоги, которые слышит и воспроизводит в устной русской речи русский

¹ Ван Сяоли, студентка гр. Г – 1Б института лингвистики и межкультурной коммуникации, e-mail: m02@istu.edu
Van Xiaoli, student of gr. G-1B of the Institute of linguistics and intercultural communication, e-mail: m02@istu.edu

² Крюкова Галина Михайловна, доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин института лингвистики и межкультурной коммуникации, e-mail: m02@istu.edu
Galina M. Kryukova, associate Professor of the Department of Russian language and General disciplines of the Institute of linguistics and intercultural communication, e-mail: m02@istu.edu

преподаватель. Русское полногласие – закон, который не действует в китайской языковой системе. Полное имя китайца, включающее НИ и ИИ, записывается чаще всего тремя иероглифами, что в современной российской кириллической модели представляется двумя словами: *Ли Дачжао*. В русской передаче НИ и первый слог ИИ пишутся с большой буквы; первый и второй слоги ИИ принято записывать слитно [Крюков, Решетов, 1985, с. 169]. Корректируя навыки чтения и написания АМ, актуально использовать культурологический аспект диалога с китайскими студентами, которые хорошо знают миф о создательнице лекарства бессмертия, которое производится на луне. Ее имя *Чан Э*. Этот мифоним известен каждому китайцу с детства. Стихи с опорой на этот мифоним есть у многих поэтов из Поднебесной. «... И, глядя вверх, я говорю с Луною: – Чан Э, как быть мне с сединою, что мучит и терзает старика?» [Синь Цици, 1961, С. 22].

Как и в соседних восточноазиатских государствах, до сравнительно недавнего времени каждый житель Поднебесной на протяжении своей жизни имел несколько ИИ. В раннем детстве он носил «молочное» имя (*жу-мин*, или *сяо-мин*), известное только в семье. Например, выдающийся китайский писатель Лу Синь после рождения получил имя *Чжаншоу* (имя дал ему дед), в соответствии с обычаем ему дали также второе имя (*цзы*) – *Юйшань*. При выборе имени китайцы всегда придают большое значение его смыслу. Поскольку это имя юного Лу Синя произносилось в местном шаосинском говоре как *Юйсань* «*дождевой зонтик*», то вскоре оно было заменено на *Юйцай* («*талант*», «*подающий надежды*») [Крюков, Решетов, 1986, С. 173]. У художника Ци Байши было детское имя *Эрчи* («*грибок долголетия*»), а школьное имя, данное учителем, — *Хуан* (украшение из нефрита в форме полудиска), другое имя, также данное учителем, — *Байши* («*Белый Камень*» — так называлась почтовая станция, находящаяся поблизости). Последнее имя художник избрал в качестве взрослого АМ, вырезая его на печатях, которые заменяли подписи на картинах художника. Имя («*мин*») поэта Ду Фу было *Фу* («*изобилие*»), а его второе имя — *Цзымэй* («*сын прекрасного*»).

До настоящего времени существует обычай использовать в именах братьев и сестер одного поколения один и тот же иероглифический знак или графический элемент, которые выступают в качестве детерминатива родства (обычай «*пайхан*»). В качестве примера можно привести имена со слогом «*чу*»/ «*весна*» у нескольких братьев по фамилии Лю: *Чуньгуан* («*весенний свет*»), *Чуньшу* («*весеннее дерево*»), *Чуньлин* («*весенний лес*»), *Чуньси* («*весенняя радость*»). Для представителей творческих профессий характерно наличие псевдонимов. У известного китайского писателя Лу Синя их было около 100.

Участник китайского диалога может назвать неродственника по ИИ, если адресат младше. В противном случае адресат может именоваться по полной АМ модели, что является нейтрально-вежливой формой. Супруги при людях называют друг друга не просто по ИИ, но добавляют и фамилию, что отнюдь не придает обращению официальность. Полная модель АМ является нормой именования и среди знакомых, сослуживцев и пр. [Крюков, 1972, С. 250].

Выбор восточноазиатского ИИ в настоящее время связан в большей степени с предпочтениями родителей. Но ИИ дочери или сына не должно повторять ИИ родителей или бабушки и дедушки, хотя ИИ детей находятся в определенной гармонии с ИИ старших родственников, что связано с подсчетом линий в иероглифах.

Результаты анализа 19-ти АМ из списков китайских групп первого года обучения (2018 г.) свидетельствуют о том, что 10 человек имеют односложное индивидуальное имя (ИИ). Значения всех ИИ можно соотносить как со временем и местом появления ребенка на свет, так и с желанием родителей защитить малыша от «злых духов», скрывая рождение человека. С мотивом «сокрытия новорожденного» можно связать многие ИИ (например, *Сэнь* – «*лес*»). Кроме того, в семантике ИИ прослеживаются мотивы благопожеланий и надежды родителей на успешную жизнь их чада. К этой группе ИИ мы относим такие, как *Ци* – «*аккуратность*», *Чжи* – «*мудрость*», *Синь* (у двух лиц)– «*золото*», «*много процветания*», *Бо* – «*эрудиция*», *Сяо* – «*непринужденность*», *И* – «*лояльность*», *Хэн* – «*постоянство*». Со временем рождения наследника и наследницы могут быть связаны такие ИИ, как *Юэ* («*луна*»), *Чэнь* («*утро*»).

Связывая количество слогов и значений в ИИ, можно выделить такие двусложные ИИ, как: *Гочэнь* («*страна*» + «*утро*»), *Шаоцянь* («*молодой*» + «*скромный*»), *Сяотянь* («*смеяться*» + «*сладкий*»), *Сяоли* («*праздник фонарей*»+«*красивый*»), *Цзисяо* («*золото*» + «*рассвет*»), *Цичже* («*драгоценный*» + «*философия*»), *Лунтэн* («*дракон*» + «*процветать*»). Результаты сопоставления ИИ детей и родителей свидетельствуют о том, что перечисленные ИИ действительно не повторяют ИИ родителей.

Как бы ни хотелось в структуре неформальной внеаудиторной коммуникации преподавателю упростить вариант обращения к китайскому адресату-студенту, традиционный китайский речевой этикет не предусматривает использования ИИ вне полной структуры АМ.

В вариантах интимной коммуникации, в том числе в структуре адресации речи ребенку, ИИ оформляется особым образом:

- а) используется редупликация (ИИ воспроизводится дважды),
- б) употреблению ИИ предшествует слово «*сяо*»/*малыш*,

в) последний слог ИИ произносится с загибанием кончика языка (осуществляется «эризация»). В письменном варианте структура обращения выглядит как два слова: «ИИ + Эр» (Юэ Эр, И Эр, Лунтэн Эр).

Как и в китайской антропонимической традиции, в корейской, вьетнамской, японской и монгольской при выборе ИИ большое значение придается благозвучию и характеру благопожелания. Традиционные благопожелания для мальчиков связываются с наречением новорожденного в год Дракона (*далее – Д.*) с именем этого центрального в мифопоэтическом творчестве народов восточно-азиатского региона героя.

В китайской языковой традиции он известен как лун (龍 *lun*), в корейской лингвокультуре – ён (雲). В мифопоэтическом творчестве вьетнамских народов, значительный период развития также испытывавших влияние китайского языка и китайской культуры, с понятием «Д.» (вьет. *rồng или long, тьы-ном 龍*) было связано развитие разных жанров, в которых создавалась образность, воспринятая как современной вьетнамской литературой, так и искусством, кроме того находящая воплощение в уникальных по технологии объектах современного градо- и мостостроения. В мифологии монгольских народов лу (монг. *луу*; южно-алт. *улу др.-тюрк. lū, lü*) – дракон, владыка водной стихии и громовержец; *Лун-хан* – дух, хозяин местности вокруг Улангома [Михайлов, 1963, С. 76].

В современной японской лингвокультуре и японском искусстве Д. *рю* (яп. 竜, 龍), берущий свое начало из японского фольклора и мифологии, отличается при его изображении от мифологических собратьев из соседних стран тем, что он обладает меньшим количеством пальцев (тремя). Анализируя структуру японского ИИ *Рюноске*, знатоки японской литературы приводят в пример АМ «*Акутагава Рюноске*», указывая, что знаменитый писатель получил свое имя (от «*рю*») благодаря тому, что родился «*в час Дракона, дня Дракона, месяца Дракона*» (утром первого марта 1892 г.) [Стругацкий, 1985, С. 6].

В японской традиции выбора ИИ, как в Китае и Корее, не последнюю роль играет благозвучие и значение иероглифов, используемых при написании этого имени, что отмечается специалистами в области корейской антропонимики и японскими писателями [Джарылгасимова, 1979; Квон, 2008; Мураками, 2003].

Имя девочки *Идзуми* («родник») в романе Харуки Мураками «К югу от границы, на запад от солнца» оценивается её одноклассником высоко: «*Имя у тебя – просто супер, – сказал я на первом свидании. – Вроде есть такая сказка: кто-то бросает топор в родник – и появляется фея*» [Мураками, 2003, С. 23]. Одноклассника, произнесшего комплимент, звали *Хадзимэ*, что связано с понятием «начало». Однако *Хадзимэ*, будучи первенцем в семье, остался единственным её ребёнком. Оказавшись в «начале» взрослой жизни *Идзуми* (в частности интимного опыта её общения с молодым человеком), *Хадзимэ* был первым и последним мужчиной в её женской судьбе. Хотя *Хадзимэ* после окончания высшей ступени школы не встречался с этой девушкой, он узнал, что *Идзуми* замкнулась, встречи с ней боятся даже дети, потому что её лицо больше похоже на неподвижную маску. Когда он, уже молодой и преуспевающий владелец баров, отец двух маленьких детей, случайно увидел *Идзуми* за стеклом такси, был потрясён: «*...взгляд её был бесконечно далёк и пуст*». Хотя он «*почти непроизвольно вытянул руку и, коснувшись стекла, за которым сидела Идзуми, погладил его кончиками пальцев*», но она «*даже не шевельнулась, не моргнула ни разу*» [Мураками, 2003, С. 196–197].

Как очевидно, значение японского ИИ может по-разному оцениваться сверстниками и автором романа, обязанного познакомить читателей с новым сюжетом. Создатель японских бестселлеров, опираясь на якобы случайное замечание о способе появления из родника феи, выстраивает с помощью «говорящего» имени (*Идзуми*) аллюзивный план, который имеет определенный этический аспект: вряд ли из родника, в который бросить топор, может появиться добрая фея. Этический аспект диалога имен «*Идзуми – Хадзуми*» определяет направление одной из сюжетных линий романа.

Традиционные ИИ корейцев отражают те же предпочтения, которые характерны для китайской и японской АМ модели. Например, понятие «Д.» остается одним из самых частотных при выборе ИИ мальчику, появившемуся на свет в год Д. Традиционное обращение к этому понятию корейских художников, как и традиционные образы, выходящие из-под их кисти, свидетельствуют в пользу того, что обладателю ИИ «Д.» («*Ёнь*») родители пожелали в момент официальной регистрации его имени необычной мощи.

Коммуникация с опорой на фольклорные традиции отличается наличием остроумных фразеологических оборотов (паремий), в которых вышучивается поведение как адресата, так и третьего лица. Когда русские говорят «*из гряды – в князи*», корейцы, поддерживая оценку, скажут, что «*теленоч стал драконом* / 미꾸라지용되다». А вот короля почитали олицетворением Д., престол короля называли трон Д.

Понятие «*ёнь*» в структуре АМ и мифонима может быть начальным (*Ёнван* – царь драконов, живший в подводном дворце), но может следовать и за другим понятием. Например, традиционно связываясь с колоративом, занимает в мифониме второе место (*Чхоннён* – зеленый Д., страж Восто-

ка/Весны; *Хваннён* – желтый, страж Юга/Лета и Конца Лета; *Пэннён* – белый, страж Запада/Осени; *Хыннён* – черный, страж Севера/Зимы) [Концевич, 1991, С. 209].

Поскольку в корейской лингвокультуре наследуются термины родства, разграничивающие возрастные категории и семейные линии матери и отца, женскую и мужскую, то в учебной коммуникации определенную трудность составляет перевод реплик, включающих понятия «*брат*», «*сестра*», «*тетя*», «*дядя*». Корейским студентам необходима дополнительная информация о возрасте родственника: старше он или младше говорящего. В подобной ситуации русская лингвокультура демонстрирует эффект недифференциации, а корейская – сверхдифференциации. Старший брат в корейском языке (для мужчин) — *хён* (형), а для женщин – *оппа* (오빠), старшая сестра (для мужчин) – *нуна* (누나), старшая сестра (для женщин) – *онни* (언니). В обращении к старшему коллеге или начальнику используется слово «*сонбе*», а к женщине – «*ачжума*».

В структуре реплики, включающей обращение, корейский студент должен проявить уважение к собеседнику, используя один из актуальных для ситуации постфиксов (–*ши* или –*ним*).

В отличие от китайской структуры двухкомпонентного АМ, по современной традиции корейские ИИ и фамилии записываются как трехчленная структура, в которой на первом месте стоит фамилия.

В китайской, корейской, вьетнамской и японской лингвокультурах немного фамилий, но множество имён. Фиксированных ИИ в этих странах просто нет. Корейское ИИ является сочетанием двух иероглифов с подходящим значением. Гадатели, которые обычно занимаются подбором ИИ, следуют определённым правилам, но в целом иероглифы могут сочетаться друг с другом достаточно свободно. Самыми подходящими для имён считаются те иероглифы, которые выражают разного рода положительные качества – мудрость («хён» 현/賢), красоту («ми» 미/美), уважение к родителям («хё» 효/孝). В списках корейских студентов обязательно присутствуют АМ, включающие понятие честность («чон»). Используются в антропонимах и китайские слова, называющие реалии мира: тигр («хо» 호/虎), цветок («хва» 화/花), камень («сок» 석/石), огонь («хва» 화/火).

Во вьетнамском языке иероглифическая система заменена на латиницу. Следует отметить, что в современной вьетнамской модели АМ наличие понятия «Д.» нами не зарегистрировано. Ещё недавно, как правило, модель АМ была только трёхчленной: первое слово – фамилия, второе – так называемое промежуточное («подсобное») имя, третье – личное (индивидуальное) имя человека: Нгуен Ван Хуен, Ле Ван Хао. В наше время нередко встречается двучленная структура: «фамилия + ИИ» (*Мак Дьюне*). В раннем детстве мальчик получал «молочное» имя, известное только в кругу семьи. По достижении совершеннолетия он становился обладателем официального имени, которое он носил до конца жизни. Однако при поступлении на службу родители и друзья давали молодому человеку и второе имя (*тен хуан*). Например, настоящее имя бывшего президента Хо Ши Мина – *Нгуен Шинь Кунг*. При поступлении на учёбу он получил от родителей новое имя – *Нгуен Там Тхань*. То Хоай (Tô Hoài) – известный писатель. Его настоящее имя Nguuyễn Sen. Сведения о нем, как правило, актуальны при формировании базовых умений конспектирования и представления в устной речи биографических данных («*Вьетнамский писатель и сценарист, род. 27 сентября 1920 г. в провинции Хадонг, Французский Индокитай; умер 6 июля 2014 г., Ханой*»). Продолжение разговора о писателе, участнике Первой Индокитайской войны, может быть связано с диалогом на тему жанрового разнообразия его творчества: детская литература («*Приключения кузнечика Мена*»), рассказы, повесть, романы, патриотические комиксы. Обращаясь к теме современной межкультурной коммуникации, актуально отметить переводы его произведений на русский язык.

Как и в Китае, каждый молодой вьетнамец мог иметь псевдоним (*тен хиеу*), который использовался для коммуникации в кругу сверстников и приятелей.

В структуре вьетнамского АМ может быть «подсобное» имя, формировавшееся и формируемое с учётом как традиционных гендерных условностей, так пристрастий родителей. Повзрослевший носитель определённого «подсобного» имени при желании может вообще отказаться от него (или заменить его другим). Для девочки обычно использовался «подсобный» компонент *Тхи*, для мальчика – *Ван*. Известно, что «подсобные» имена появились намного позднее фамилий. Но исторически сложилось предпочтение, реально способствующее маркированию одного поколения в пределах одной родственной группы (*хо*) общим промежуточным именем. Женское «подсобное» – традиционное – имя *Тхи* утратило свой атрибутивный характер для городского женского именника, что привело к визуальному неразличению на письме женских двусоставных имён от мужских [Лескинен, 1989, с. 98]. Определить, какая часть полного АМ у вьетнамца является фамилией, а какая средним или личным именем, зачастую весьма непросто. Во-первых, некоторые слова, как например Ван (Vãn) могут использоваться как в качестве фамилии (Ван Тиен Зунг), так и в качестве среднего или личного имени (Нгуен Ван Као) [<http://ru-wiki.org/wiki>].

Во вьетнамской АМ модели, как и в моделях других восточноазиатских народов, нет отчества. В частности это обусловлено традицией речевого этикета, имеющего древний сакрально-мистический

колорит. Для преподавателей, работающих с вьетнамскими студентами, важно знать, что в давние времена считалось, что нет ничего хуже, чем упоминать вслух имена родителей. В некоторых сельских районах родители носили и носят имена детей (чаще всего называют себя по имени старшего сына). Если же сын умирал, к родителям обращались по имени их младшей дочери. Российские преподаватели, работающие с вьетнамскими студентами, помнят их просьбы, аналогичные приводимой здесь: «*Мое имя Тхай Ба Тан. Можно называть меня также Тан. Но вот Ба Тан меня звать нельзя. Я самый старший из детей в семье, меня зовут Тан, поэтому моего отца и мать люди тоже зовут Тан. Но в официальных документах родители сохраняют свои имена*» [Тхай, 1974, С. 69].

Особенности произношения имен, включающих в написании «х» кириллическую (или «h» латинскую) таковы, что этот звук в устной речи слышать очень трудно. Это же замечание следует отнести к АМ, в состав которых в русской письменной речи входит конечная буква «г»/ «д» латинская. В АМ *Ван Туен Зунг* конечная буква «г» не произносится.

Пристрастие к «канцелярским» вариантам обращения к монгольским адресатам по первому имени в структуре их официального АМ не обусловлено традициями монгольского речевого этикета, поскольку в паспорте первым записано ИИ отца (не фамилия), а на втором месте – ИИ владельца паспорта. В современном монгольском ономастиконе сохраняются традиции благопожеланий и наследуемых речевых приемов сокрытия от «злых духов» фактов появления в семье на свет младенцев. Девочки могут получать ИИ по названию не только цветов, деревьев, планеты Венера и отвлеченных понятий, но иногда по названию бытового предмета (например, стального замка). В мужском ономастиконе отмечены ИИ, связанные как с эпохой освоения космоса (в 1961 г., после полета Ю.А. Гагарина, некоторые новорожденные получали имя Юра), так и с желанием обмануть «злые силы». Студент иркутского вуза, родившийся в конце 1980-х гг., получил имя Бишхуу («*никого нет*»).

Результаты знакомства с семантикой восточноазиатского АМ и спецификой его включения в структуру обращения позволяют сделать вывод, во-первых, о сохранении нашими современниками из восточноазиатских стран традиций именования новорожденного с учетом благопожеланий, во-вторых, об ограниченном использовании вьетнамских, китайских, корейских ИИ в речевой коммуникации, не связанной с внутрисемейной привычкой обращения к младшему по ИИ или установившимися дружескими отношениями в среде детей и молодежи.

Во избежание недоразумений в структуре русскоязычной устной и письменной коммуникации опора на восточноазиатский АМ требует внимания к его смысловым составляющим. В соответствии с этикетом речевого общения, использование в структуре обращения определенной части восточноазиатского АМ является результатом индивидуальных соглашений лиц-участников неформальной межкультурной коммуникации.

Индивидуальное желание участников межкультурной коммуникации переставлять смысловые части восточноазиатского АМ нередко приводят к проблемам идентификации личности и нарушению правил речевого этикета.

Семантика восточноазиатских АМ составляет особую сферу исследований языковедов, историков, религиоведов и философов, которые традиционно указывают на связь смысловых частей восточноазиатских ИИ с иероглификой, древними мифами, сказками, религиозными учениями, обогатившими культуру народов знаками-символами, словами-символами и поэтикой сакрального. Знакомство с этим наследием – важнейший шаг на пути к осмыслению гармонии современного восточноазиатского АМ и выстраиванию корректной коммуникации с представителями восточноазиатских лингвокультур.

Библиографический список

1. Алексеев В. М. Наука о Востоке: статьи и документы. М.: Наука, 1982. 535 с.
2. Гольгина К.И. Великий передел: Китайская модель мира в литературе и культуре (I–XIII вв.) М: Вост. лит., 2005. 360 с.
3. Джарылгасимова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхо-вана»). М., Наука. 1979. 182 с.
4. Зэгийма Чойдон. Категория вежливости и ее выражение в русском и монгольском этикете. Автореф. дисс. докт. филол. наук. М., 1998. 36 с.
5. Кwon Ён. Совершенствование лингвокультурной компетенции корейских учащихся при обучении русскому обращению: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2008. 17 с.
6. Концевич Л.Р. Ёнван// Мифологический словарь. М.: Сов. энциклоп., 1991. С. 209.
7. Крюков М.В. Решетов А.М. Система личных имен у китайцев// Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 164–170.
8. Ле Ван Нянь. Виды характеристики адресата в формах русского обращения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1989. 24 с.
9. Лескинен А.Н. Что означают вьетнамские имена? // Азия и Африка сегодня. 1974. № 10. С. 97–100.
10. Ли Сичан. Русский речевой этикет в прагматическом и лингвострановедческом аспектах с точки зрения носителей китайского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 19 с.

- 11 Михайлов Г. И., *Луу и лус* в произведениях героического эпоса монгольских народов // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР, Т. 63: Литературоведение, фольклористика и изучение памятников. М., 1963. С. 75–79.
12. Мураками Х. *К югу от границы, на запад от солнца: Роман* / Пер. с яп. И. и С. Логачёвых. М.: Эксмо, 2007. 288 с.
13. Синь Цици. Стихи / Пер., вступит. статья и комментарии М.И. Басманова. М.: Худож. лит., 1961. 131 с.
14. Стругацкий А. Три открытия Рюноске Акутагавы // Акутагава Р. Новеллы; эссе; миниатюры / Пер. с яп. М.: Худож. лит., 1985. С. 3–24.
15. Тхай Ба Тан. Меня зовут Тан // *Вокруг света*. 1974. № 1. С. 67–69.
16. Чжан Минь. Особенности китайского речевого этикета в сопоставлении с русским // *Русский язык за рубежом*. 2004. № 3. С. 65–66.
17. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru-wiki.org/wiki> (05.04.2018).